
ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

WORLD HISTORY

УДК 327

ВЛИЯНИЕ ТУРЦИИ НА ПОЛИТИКУ НЕЙТРАЛИТЕТА И ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ ТУРКМЕНИСТАНА (1995–2016)

Н. Х. ХУДАЙБЕРДИЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Прослеживается отношение Турции к политике нейтралитета Туркменистана в период с 1995 по 2016 г. На основе анализа геополитической ситуации в регионе Центральной Азии в постсоветский период выявляются следующие причины принятия Туркменистаном нейтрального статуса: ухудшение ситуации в регионе, стремление великих держав и региональных лидеров укрепить свои позиции в Центральной Азии, в том числе в энергетическом секторе, стремление Турции в постсоветский период развивать политические, энергетические, гуманитарные контакты, желание режима С. Ниязова ограничить влияние других государств на внутреннюю и внешнюю политику страны. Отмечается воздействие статуса нейтралитета на реализацию внешней политики Туркменистана, анализируется отношение к этому процессу со стороны Турции. В развитии политики нейтралитета Туркменистана условно выделяются два этапа: 1995–2006 гг., когда эта политика граничила с изоляционизмом и серьезно сдерживала углубление отношений Турции с Туркменистаном; 2007–2016 гг., когда происходило расширение сотрудничества двух стран, в том числе в сфере безопасности. В 2007–2016 гг. Турция стремилась расширить свое геополитическое влияние в отношении Туркменистана, поддерживая нейтралитет страны, что привело к формированию тесного политического и экономического диалога Анкары и Ашхабада.

Ключевые слова: Турция; Туркменистан; политика нейтралитета; внешняя политика; безопасность; Центральная Азия.

Образец цитирования:

Худайбердиева НХ. Влияние Турции на политику нейтралитета и внешнюю политику Туркменистана (1995–2016). *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2020;2:51–58.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-2-51-58>

For citation:

Khudaiberdieva NKh. Influence of Turkey on the policy of neutrality and foreign policy of Turkmenistan (1995–2016). *Journal of the Belarusian State University. History.* 2020;2:51–58. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-2-51-58>

Автор:

Нурбиби Хулагульевна Худайбердиева – аспирантка кафедры международных отношений факультета международных отношений. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент Л. М. Хухлындина.

Author:

Nurbibi Kh. Khudaiberdieva, postgraduate student at the department of international relations, faculty of international relations.
nuriya.dzhan.09@mail.ru

УПЛЫЎ ТУРЦЫІ НА ПАЛІТЫКУ НЕЙТРАЛІТЭТУ І ЗНЕШНІЮЮ ПАЛІТЫКУ ТУРКМЕНИСТАНА (1995–2016)

Н. Х. ХУДАЙБЕРДЫЕВА^{1*}

^{1*} *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Прасочваецца стаўленне Турцыі да палітыкі нейтралітэту Туркменістана ў перыяд з 1995 па 2016 г. На аснове вывучэння геапалітычнай сітуацыі ў рэгіёне Цэнтральнай Азіі ў постсавецкі перыяд выяўляюцца наступныя прычыны прыняцця Туркменістанам нейтральнага статусу: пагаршэнне сітуацыі ў рэгіёне, імкненне вялікіх дзяржаў і рэгіянальных лідараў умацаваць свае пазіцыі ў Цэнтральнай Азіі, у тым ліку ў энергетычным сектары, імкненне Турцыі ў постсавецкі перыяд развіваць палітычныя, энергетычныя, гуманітарныя кантакты, жаданне рэжыму С. Ніязава абмежаваць уплыў іншых дзяржаў на ўнутраную і знешнюю палітыку краіны. Адзначаецца ўздзеянне статусу нейтралітэту на рэалізацыю знешняй палітыкі Туркменістана, аналізуецца стаўленне да гэтага працэсу з боку Турцыі. У развіцці палітыкі нейтралітэту Туркменістана ўмоўна вылучаюцца два этапы: 1995–2006 гг., калі гэта палітыка межавала з ізаляцыянізмам і сур'ёзна стрымлівала кантакты Турцыі з Туркменістанам; 2007–2016 гг., калі назіралася пашырэнне супрацоўніцтва Туркменістана з Турцыяй, у тым ліку ў сферы бяспекі. У 2007–2016 гг. Турцыя імкнулася пашырыць свой геапалітычны ўплыў у дачыненні да Туркменістана, падтрымліваючы нейтралітэт краіны, што прывяло да фарміравання цеснага палітычнага і эканамічнага дыялогу Анкары і Ашхабада.

Ключавыя словы: Турцыя; Туркменістан; палітыка нейтралітэту; знешняя палітыка; бяспека; Цэнтральная Азія.

INFLUENCE OF TURKEY ON THE POLICY OF NEUTRALITY AND FOREIGN POLICY OF TURKMENISTAN (1995–2016)

N. Kh. KHUDAIBERDIEVA^a

^a *Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The paper analyzes the attitude of Turkey to the policy of neutrality of Turkmenistan in the period from 1995 to 2016. Based on the geopolitical situation in the Central Asian region in the post-Soviet period, the author identifies the reasons for Turkmenistan's adoption of a neutral status. Among the reasons for this decision by the Turkmen leadership are the deterioration of the situation in the region, the desire of the great powers and regional leaders to strengthen their positions in Central Asia, including in the energy sector, Turkey's active position in the post-Soviet period aimed at developing political, energy, and humanitarian contacts, and the desire of The Niyazov regime to limit external influence on the country's internal and foreign policy. The author noted the influence of the status of neutrality on the implementation of Turkmenistan's foreign policy and the attitude of Turkey to this process. In the development of Turkmenistan's neutrality policy in 1995–2016, two stages can be conditionally distinguished: the first is 1995–2006 when the policy of neutrality bordering on isolationism, which seriously limited Turkey's contacts with Turkmenistan; the second is 2007–2016 when the expansion of cooperation between Turkmenistan and Turkey, including in the security sphere. In the 2007–2016 Turkey sought to expand its geopolitical influence over Turkmenistan by maintaining its neutrality, which led to the formation of a close political and economic dialogue between Ankara and Ashgabat.

Keywords: Turkey; Turkmenistan; neutrality policy; foreign policy; security; Central Asia.

Еще в эпоху Античности под нейтралитетом подразумевалась обязанность невоюющего государства не помогать тому, кто ведет военные действия. С течением времени произошла трансформация данного понятия. В XIX в. появились термины «постоянный нейтралитет», «традиционный нейтралитет», а в XX в. – «позитивный нейтралитет». В современной историографии сложилось понимание того, что следует разграничивать понятия нейтралитета как института международного права и как внешнеполитического инструмента. Согласно определению российского исследователя М. Е. Кучинской, нейтралитет – «это особый статус государства или проводимая им политика, которая выражается в не-

участии в военных конфликтах или военных союзах» [1, с. 109].

Вопрос приобретения нейтрального статуса государством зависит от ряда факторов, и для каждой страны характерен их индивидуальный набор.

В современных условиях события в Центральной Азии привлекают особое внимание в силу геополитического роста этого региона, наличия здесь энергетических ресурсов. Роль стран Центральной Азии увеличивается также в контексте реализации китайской программы «Один пояс – один путь». Все это обуславливает актуальность выбранной темы.

Цель статьи – исследование отношения Турции как регионального лидера к политике нейтралитета

Туркменистана, влияния нейтрального статуса на туркменскую внешнюю политику.

Хронологические рамки исследования включают в себя период с 1995 г., когда Туркменистан принял нейтральный статус в рамках Генеральной Ассамблеи ООН, по 2018 г., когда произошла кардинальная трансформация турецкой внешней политики, в том числе в отношении стран Центральной Азии, что было связано с желанием Анкары стать великой державой. В рамках проводимого анализа автор статьи также обращался к событиям первой половины 1990-х гг., предшествующим принятию Туркменистаном нейтрального статуса.

Политика нейтралитета, проводимая Туркменистаном, и внешняя политика Турции анализировались в ряде публикаций. Среди них необходимо отметить работы таких российских исследователей, как Д. В. Скрипучий [2], Е. В. Троицкий [3; 4], М. В. Тюльпаков [5]. Так, в указанной статье Д. В. Скрипучего проведен комплексный анализ нейтрального статуса Туркменистана в контексте внутренней и внешней политики страны. Е. В. Троицкий рассматривал сложности, с которыми столкнулось турецкое руководство при формировании диалога со странами Центральной Азии в 1992–2006 гг., и его перспективы, раскрывал особенности внешней политики Туркменистана, проводимой при руководстве С. Ниязова.

Исследуемая проблема вызывает интерес и у американских ученых. Необходимо обратить внимание на монографии таких авторов, как А. Петерсен [6], Дж. К. Дэвис [7]. В работе А. Петерсена в контексте экономического сотрудничества России и Китая с Туркменистаном рассматриваются сложности формирования диалога Ашхабада и Анкары. Монография Дж. К. Дэвиса раскрывает позиции Турции в контексте интересов американского руководства в регионе Центральной Азии.

Источниковую базу нашего исследования составили документы, регулирующие внешнюю политику Туркменистана: Конституция Туркменистана¹, решение об Основных принципах участия нейтрального Туркменистана в Содружестве Независимых Государств². В работе использовались документы ООН, в частности Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 1995 г. № 50/80 о постоянном нейтралитете Туркменистана³. Также привлекались материалы, размещенные на официальном сайте Министерства иностранных дел Турции, и информационные сообщения СМИ двух стран. Сово-

купность источников и историографии по теме исследования позволила выявить позицию турецкого руководства о проводимой внешней политике Туркменистана в соответствии с нейтральным статусом страны.

Руководство независимого Туркменистана в постсоветский период постепенно пришло к решению о необходимости провозглашения нейтрального статуса страны, что определялось рядом обстоятельств. В принятой 18 мая 1992 г. Конституции Туркменистана уже отмечалось, что страна во внешней политике будет придерживаться нейтрального курса⁴. В соответствии с положениями Основного Закона страны Ашхабад развивал многостороннюю дипломатию, основанную на взаимовыгодном сотрудничестве.

Распад Советского Союза означал, что Туркменистан, став частью геополитического пространства Центральной Азии, получал совершенно новые возможности развития внешней политики под влиянием возникших факторов. Центральнo-Азиатский регион (ЦАР) в 1990–2000-х гг. стал передовым защитным рубежом не только СНГ, но и всей Европы на пути распространения международного терроризма, воинствующего ваххабизма и наркотрафика. В планы экстремистских исламистских центров Ближнего Востока (Саудовская Аравия) и Афганистана входила идея создания «исламской республики от моря до моря» [8, с. 127].

Возникновение очагов нестабильности в Центральной Азии представляло угрозу руководству новых независимых республик. Ограничение влияния внешних факторов подобного рода стало одной из причин принятия Туркменистаном нейтрального статуса.

В регионе Центральной Азии на протяжении более 200 лет продолжалось доминирование России. Но в постсоветский период Туркменистан, как и другие субъекты ЦАР, стал объектом политического и экономического соперничества Москвы, Брюсселя, Пекина, Тегерана, Анкары и Вашингтона [5, с. 230]. В новых геополитических реалиях Ашхабаду потребовалось определить свою роль и место в мире. Стремление руководства Туркменистана избежать вассальной зависимости предопределило выработку уникального для ЦАР нейтрального внешнеполитического курса. Именно он, по мнению лидеров страны, был способен сохранить национальную безопасность, обеспечить богатому сырьевыми ресурсами Туркменистану стабильное социально-экономическое развитие [9, с. 308].

¹Конституция Туркменистана – основа демократического развития страны // Turkmenistan. Золотой век [Электронный ресурс]. URL: <http://www.turkmenistan.gov.tm/?id=1412> (дата обращения: 08.11.2019).

²Решение об Основных принципах участия нейтрального Туркменистана в Содружестве Независимых Государств // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=1813> (дата обращения: 08.11.2019).

³Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН о постоянном нейтралитете Туркменистана [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/50/80> (дата обращения: 08.11.2019).

⁴Конституция Туркменистана – основа демократического развития страны // Turkmenistan. Золотой век [Электронный ресурс]. URL: <http://www.turkmenistan.gov.tm/?id=1412> (дата обращения: 08.11.2019).

Образование молодых государств в Центральной Азии привлекало внимание турецкого руководства, которое видело в этом новые внешнеполитические перспективы. Так, у Анкары появилась возможность объединить вокруг себя новые государства, большинство жителей которых составляли тюркоязычные этносы. Политика Турции в этом направлении базировалась на ряде принципов, таких как сохранение и поддержание региональной политической и экономической стабильности, поощрение реформ, содействие региональной интеграции, а также транспортировке энергетических ресурсов. Туркменистан, как и другие страны региона, был вовлечен в данный процесс, который активными темпами развивался в первой половине 1990-х гг. В 1992 г. в Анкаре была организована встреча глав тюркских республик, которая заложила основы тюркского партнерства [10, с. 114].

Однако активная позиция Турции в развитии тюркской интеграции привела к тому, что Туркменистан принял решение ограничить свои контакты в рамках данного партнерства, опасаясь, что дальнейшее укрепление Анкары в регионе приведет к утрате части туркменского суверенитета.

Турция, стремясь усилить свое влияние в Центральной Азии, содействовала вступлению Туркменистана и других стран региона в Организацию экономического сотрудничества (ОЭС), организацию «Исламская конференция» (ОИК), Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ, позже – ОБСЕ) [4, с. 82].

Кроме того, по утверждению российского исследователя М. В. Тюльпакова, нейтралитет сыграл роль своеобразного защитного механизма режима Туркменбаши, который таким образом обосновывал закрытость страны и сведение до минимума международных контактов и процессов сотрудничества. Данный политический ход позволил Туркменистану успешно выстраивать свою внешнюю политику [5, с. 230].

Курс Туркменистана на нейтралитет предполагал отказ от участия в формировании и деятельности субрегиональных интеграционных структур и выстраивание международных политических и экономических отношений исключительно на двусторонней основе. Такого рода отношения Ашхабад установил с ведущими мировыми центрами силы: США, ЕС, Россией и Китаем, а также с государствами-соседями и крупными региональными державами, такими как Турция, Иран, Индия и Пакистан. Принцип нейтралитета позволял Туркменистану дружить со всеми одинаково, но не дружить ни с кем

против кого-то. Вместе с тем страна оставалась полноправным членом основных международных организаций – ООН, ОБСЕ, ЮНЕСКО. Примечательно, что в 1994 г. Туркменистан вступил в программу военно-политического блока НАТО «Партнерство ради мира», что приветствовалось Турцией. Однако сотрудничество Туркменистана и Североатлантического альянса было номинальным⁵.

Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 1995 г. № 50/80 о постоянном нейтралитете Туркменистана был утвержден соответствующий статус страны, признавалось и подтверждалось ее суверенное право на внешнюю политику «в соответствии с нормами и принципами международного права и Уставом Организации Объединенных Наций»⁶. Принятие Туркменистаном статуса постоянного нейтралитета не затрагивало выполнения его обязательств, вытекающих из Устава ООН: решения ООН признавались приоритетными, а Туркменистан обязывался не вступать в военные блоки и союзы, не начинать войны и военные конфликты и не участвовать в них. Принятие резолюции предполагало, что Туркменистан не будет иметь и не станет производить ядерное, химическое, бактериологическое оружие.

На отношение мирового сообщества к нейтральному статусу Туркменистана повлияла политика Ашхабада относительно режима в Афганистане. В частности, после прихода к власти в Афганистане талибана правительство Туркменистана сформировало особый курс в отношении нового руководства страны-соседки. Сближение Туркменистана с правительством Афганистана можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, отношения с талибаном давали Туркменистану надежду на безопасность у своих границ. Во-вторых, Афганистан представлял для туркменской стороны экономический интерес, так как через его территорию планировалось строительство транспортного коридора, газопровода для поставок газа в Южную Азию [11, с. 85].

В целях формирования стабильной региональной ситуации во второй половине 1990-х гг. Туркменистан выступил посредником в решении внутринационального конфликта в Таджикистане. В 1997 г. в Ашхабаде прошел первый раунд переговоров [2, с. 65].

Активно развивались отношения Туркменистана с ОБСЕ. Начиная с 1999 г. в Ашхабаде был открыт Центр ОБСЕ, цель которого – оказание помощи Туркменистану в области строительства гражданского общества, создания современной правовой системы, развития образования⁷. Для Турции работа Туркменистана с ОБСЕ представляла политический

⁵Relations with Turkmenistan // Організація Північноатлантичного Договору [Electronic resource]. URL: https://www.nato.int/cps/uk/natohq/topics_50317.htm?selectedLocale=en (date of access: 11.11.2019).

⁶Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН о постоянном нейтралитете Туркменистана [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/50/80> (дата обращения: 08.11.2019).

⁷Survey of OSCE field operations // OSCE [Electronic resource]. URL: <https://www.osce.org/secretariat/74783?download=true> (date of access: 11.11.2019).

интерес, так как Анкара стремилась стать мостом между европейскими и азиатскими странами. В основе турецкой политики в регионе лежала идея распространения западных ценностей, синтезируемых с моделью национальной идентичности.

К концу 1990-х гг. в Туркменистане сложился жесткий авторитарный режим, который включал элементы культа личности президента, доказательством чего стало провозглашение в 1999 г. С. Ниязова пожизненным президентом страны. Руководство Туркменистана приняло решение отказаться от проведения рыночных реформ, в экономике был установлен тотальный государственный контроль. Постепенно в политике страны произошло дистанцирование от политической поддержки со стороны Турции [3, с. 68].

Политика изоляционизма Туркменистана, проводившаяся с середины 1990-х гг., была прервана событиями 11 сентября 2001 г. в США. Реализация Вашингтоном военной кампании в Афганистане вызвала необходимость активизировать его политику в отношении стран Центральной Азии. В 2002 г. было подписано соглашение, которое предоставляло США возможность использования воздушного пространства Туркменистана и его гражданского аэропорта в Ашхабаде.

США, учитывая проведение военной операции в Афганистане, а затем и сохранение своего присутствия в стране, видели необходимость в создании определенной региональной инфраструктуры и, соответственно, стремились организовать в Центральной Азии систему военно-воздушных баз для своих целей. Попытки вовлечь в этот процесс Туркменистан, обладающий нейтральным статусом, не привели к необходимому результату. Исследователи американского Института анализа внешней политики Дж. К. Дэвис и М. Дж. Суини отмечали, что туркменская авиабаза Мары-2 не только представляла для США интерес с военно-политической точки зрения, но и отвечала их геополитическим амбициям. Однако вопрос получения доступа США к военно-воздушной базе Туркменистана имел широкую огласку в СМИ, подвергся критике со стороны российских властей, отмечавших влияние данного шага на статус нейтралитета Ашхабада [12, с. 96].

Укрепление позиций США в регионе не отвечает интересам Турции. Более того, эта страна ревностно относится к вмешательству в региональную ситуацию со стороны западных держав, так как считает, что распространение ее геополитического влияния в регионе продиктовано историческими предпосылками, тесными языковыми и религиозными связями с государствами Центральной Азии.

Несмотря на огласку и политику изоляционизма, проводимую Туркменистаном, отношения стра-

ны с США в военно-технической сфере и в области безопасности получили определенное развитие в первой половине 2000-х гг. ввиду нестабильности в Афганистане. По мнению Дж. К. Дэвиса и М. Дж. Суини, Туркменистан представлял геополитический интерес для США, так как мог стать стратегическим окном в Иран и на Ближний Восток. Ашхабад имел влияние на ключевые вопросы в регионе: прокладывание маршрутов трубопроводов, распределение ресурсов Каспийского моря. Однако действующая власть не отвечала интересам США [7, р. 80–81].

Таким образом, попытки США втянуть Туркменистан в формирование системы региональной безопасности в новом формате не принесли результатов, так как, с одной стороны, Ашхабад твердо придерживался своей точки зрения на внешнюю политику и региональную стабильность, оставался привержен нейтральному статусу, а с другой стороны, туркменский режим не соответствовал интересам Вашингтона. Учитывая, что контакты Туркменистана со странами Запада в 1990-х гг. были фактически заморожены, Турция оставалась в этот период посредником для решения существующих вопросов в отношениях Ашхабада с Брюсселем и Вашингтоном.

Турецкое руководство осознавало сложности формирования политических контактов в области безопасности с существующим режимом в Туркменистане. По этой причине на рубеже 1990–2000-х гг. турецко-туркменский диалог был основан на экономических взаимосвязях.

В середине 2000-х гг. отношение Туркменистана к постсоветской интеграции, в частности, к ключевому объединению бывших советских республик – СНГ, изменилось. Еще в 1993 г. Туркменистан отказался принять Устав СНГ, подчеркнув тем самым свой особый статус в рамках объединения. Поворотным моментом в истории развития диалога Туркменистана и содружества стал саммит в Казани в 2005 г., на котором страну представлял заместитель председателя Кабинета министров А. Акыев, в то время как от других стран – членов СНГ присутствовали их лидеры.

По итогам саммита в рамках Совета глав государств СНГ было принято решение об Основных принципах участия нейтрального Туркменистана в Содружестве Независимых Государств на основе ассоциированного членства, в котором отмечались фундаментальные принципы постоянного нейтралитета Туркменистана. Кроме того, были определены сферы, в которых Туркменистан не будет принимать участия, такие как военные и правоохранительные объединения, органы и структуры, обладающие надгосударственными полномочиями⁸.

⁸Решение об Основных принципах участия нейтрального Туркменистана в Содружестве Независимых Государств // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=1813> (дата обращения: 08.11.2019).

Несмотря на отдельные проявления активных действий, нейтральный курс в Туркменистане при власти С. Ниязова все же тесно граничил с изоляционизмом, что продолжалось до смены власти в 2007 г.

С приходом в 2007 г. президента Г. Бердымухамедова началась новая страница в истории внешней политики Туркменистана. Отличительной ее чертой стал постепенный выход из изоляции и развитие диалога в торговле, экономике и сфере безопасности. В частности, казахстанский исследователь из Института мировой экономики и политики при Фонде первого Президента Республики Казахстан А. Абдрахманов в своей статье отметил ряд новых внешнеполитических задач нового руководства Туркменистана: упрочнение власти нового режима с недопущением негативного внешнего влияния внутри страны, сглаживание негативного воздействия, возникшего в результате противостояния Ирана и США в Центральной и Средней Азии, обеспечение стабильного экспорта энергоресурсов, решение проблемы Каспия, улучшение отношений со странами региона [13, с. 161].

Несмотря на устоявшуюся внешнеполитическую линию Туркменистана, в 2000-х гг. вновь активизировались угрозы для нейтрального статуса страны. В частности, одним из актуальных вопросов внешней политики Ашхабада оставалось распределение энергетических ресурсов Каспийского моря. Эта проблема включает в себя целый комплекс противоречий между прибрежными государствами – Азербайджаном, Ираном, Казахстаном, Россией и Туркменистаном. Геополитический (транзитный) и энергетический потенциал Каспийского моря привлекал внимание и других держав – Турции, Китая, США, стран ЕС, что усложняло урегулирование вопроса [6, с. 44]. Турция также заинтересована в решении данного вопроса, так как страна намеревалась стать частью энергетического коридора по передаче каспийского газа и нефти в европейские страны. Начиная с конца 1990-х гг. Турция и страны ЕС выступили за строительство Транскаспийского газопровода, который должен был гарантировать поставки туркменского газа в Европу [14].

Наиболее серьезные опасения у Туркменистана вызывала ситуация, связанная с месторождением нефти Кяпаз (Сердар), на которое претендовал также Азербайджан. В течение 1990–2000-х гг. разногласия вокруг этого месторождения неоднократно вызывали споры, приводили к дипломатическим кризисам [15].

Турция стремилась выступить в качестве посредника в урегулировании существующего спора между Туркменистаном и Азербайджаном. Основные шаги Турции по разрешению данной проблемы состояли в проведении встреч министров энергетики стран, привлечении европейского комиссара по энергетике и др. Для Турции сохранение отно-

шений между Туркменистаном и Азербайджаном представляло экономический и политический интерес, который выражался в желании Анкары сохранить безопасные поставки ресурсов из прикаспийских стран, а также обеспечить региональную стабильность.

Еще одной сложностью во внешней политике нового руководства Туркменистана стало желание снизить риски вовлечения страны в конфликт между США и Ираном. В связи с этим для Ашхабада актуальной была задача выработать тактику балансирования в существующем положении: сохранения отношений с Тегераном и Вашингтоном с учетом желания последнего получить доступ к туркменским базам.

Необходимо отметить, что и Турция стремилась выйти на новый уровень развития контактов с Туркменистаном: участились визиты на высшем уровне, вырос торговый оборот стран, наметилось формирование двустороннего сотрудничества в гуманитарной области. Для Турции развитие отношений с Туркменистаном представляло стратегический интерес с точки зрения геополитики, а также транспортного и энергетического потенциала центральноазиатской страны [16].

После выхода Туркменистана из изоляции интерес к его ресурсному и транзитному потенциалу вырос не только со стороны Турции, но и Ирана, России, Китая и других стран. В условиях роста конкуренции за борьбу в регионе Турция стала ощущать необходимость в формировании новых инструментов для развития диалога с Туркменистаном. В частности, Анкара продолжала налаживать энергетический, торгово-экономический диалог, инвестиционные контакты. Начиная с конца 2000-х гг. государства сформировали традиции по проведению встреч на высшем уровне, а также между отраслевыми ведомствами.

Схожие с Турцией планы в отношении Туркменистана преследовал Иран, который стремился укрепить свое влияние в регионе путем инвестирования в создание транспортной инфраструктуры, строительство промышленных объектов и развития энергетической сферы в бывшей советской республике [17, с. 233].

Сегодня продолжает развиваться диалог Туркменистана и НАТО. Актуальным направлением является техническое сотрудничество. В частности, НАТО проводит обучающие курсы для туркменских военных и представителей политической элиты по вопросам разоружения и контроля над вооружениями, методов борьбы с терроризмом, незаконной торговлей людьми, оказания медицинской помощи, осуществления контроля за границей.

Как отметила А. В. Хижук, благодаря принятию статуса нейтралитета Туркменистан смог наладить тесные контакты с другими странами, открыв новые возможности для экономики, торгового сотrud-

ничества, взаимодействия в культурной и гуманитарной сферах [9, с. 381].

Таким образом, в конституционном и международно-правовом отношении Туркменистан оформил статус постоянного договорного нейтралитета, что позволило стране минимизировать зависимость от крупных держав при налаживании широких партнерских контактов. Молодое государство сумело определить свою внешнеполитическую стратегию самостоятельно, без влияния других международных акторов. Ашхабад смог оградиться от различных террористических и преступных групп, сообществ. Это значит, что политика нейтралитета способствовала сохранению суверенитета страны и эффективной реализации национальных интересов. Укрепление региональных позиций Туркменистана на принципах нейтралитета побуждало крупные государства и межгосударственные объединения к сближению с Ашхабадом. Одновременно установление нейтрального курса страны влекло за собой и ряд отрицательных моментов, среди которых можно выделить сдерживание экономического сотрудничества с международными корпорациями, неправительственными организациями, а также ограниченное вовлечение в международные дела, в частности в деятельность международных организаций.

Статус постоянного нейтралитета обуславливал особую внешнеполитическую линию Туркмениста-

на: предпочтение отдавалось внутрицивилизационным связям, а официальный Ашхабад подчеркивал, что не имеет враждебных отношений ни с азиатскими, ни с европейскими странами и не предъявляет никому территориальных претензий. Наиболее тесное экономическое взаимодействие в 1994–2015 гг. Туркменистан наладил с США, Турцией, Россией, Казахстаном, Ираном, Афганистаном.

Турция стремилась стать ключевым партнером Туркменистана начиная с первых дней его независимости. Однако настойчивость турецкого руководства в укреплении своих региональных позиций стала одной из причин дистанцирования внешнеполитического курса Туркменистана. Попытки Турции стать звеном в вопросах политического, энергетического партнерства Туркменистана со странами Запада не увенчались успехом. Результатом периода с 1995 по 2006 г. стала помощь Турции во вступлении Туркменистана в международные организации (СБСЕ, ОЭС, ОИК и др.). С конца 1990-х гг. по 2006 г. отношения стран строились исключительно на экономическом партнерстве. С 2007 г. в истории двусторонних отношений Турции и Туркменистана был открыт новый этап. Турецкое руководство продолжало уважать и признавать нейтральный статус Туркменистана, стремилось учитывать политическую и региональную ситуацию.

Библиографические ссылки

1. Кучинская МЕ. Куда идут бывшие «евронейтралы»? (На примере Швеции и Финляндии). *Проблема Национальной стратегии*. 2012;615:109–127.
2. Скрипучий ДВ. Туркменский нейтралитет: внутригосударственное строительство и геополитический проект. *Актуальные вопросы истории и политологии*. 2013;25:60–72.
3. Троицкий ЕВ. Внешняя политика Туркменистана в 1992–2006 гг.: от нейтралитета к самоизоляции. *Вестник Томского государственного университета. История*. 2014;4:67–70.
4. Троицкий ЕВ. Политика Турции в Центральной Азии (1992–2000 гг.). *Вестник Томского государственного университета*. 2009;328:84–88.
5. Тюльпаков МВ. Изменение геополитической роли Туркменистана в начале XXI в. *Вестник РГГУ. Серия: Международные отношения. Зарубежное регионоведение*. 2014;18:227–235.
6. Петерсен А. *Россия, Китай и энергетическая геополитика в Центральной Азии*. Москва: Московский центр Карнеги; 2012. 90 с.
7. Davis JK. *Central Asia in U. S. strategy and operational planning: where do we go from here?* Washington: The Institute for Foreign Policy Analysis; 2004. 100 p.
8. Пирожник ИИ. *Проблемы политической географии*. Минск: БГУ; 2005. 234 с.
9. Хижук АВ. Нейтралитет Туркменистана – основа взаимодействия между ВУЗами Туркменистана и России. В: *Технологический университет. Перспективы, организационные формы и эффективность развития сотрудничества российских и зарубежных вузов. Сборник трудов по материалам III Ежегодной международной научно-практической конференции; 6–7 апреля 2015 г.*; Научоград Королев Московской области, Россия. Королев: Алькор Паблшерс; 2015. с. 379–384.
10. Парубочая ЕФ. Саммиты тюркских государств (1992–2001 гг.): реальная платформа для сближения? *Вестник Волгоградского государственного университета. История. Регионоведение. Международные отношения*. 2011;16(1): 113–120. DOI: 10.15688/jvolsu4.2011.1.16.
11. Мирзеханов ВС, Тюльпаков МВ. Туркменистан и исламский мир. Социальные и гуманитарные науки. *Отечественная и зарубежная литература. Серия 9. Востоковедение и африканистика*. 2019;3:72–91. DOI: 10.31249/rva/2019.03.02.
12. Старчак М. США vs Россия в попытке сотрудничества с Туркменистаном в сфере безопасности и обороны. *Центральная Азия и Кавказ*. 2009;2:95–102.
13. Абдрахманов А. Туркменистан: изменения конструкции государственной власти и политики. *Центральная Азия и Кавказ*. 2007;3:154–165.

14. Шимшек Г. После конвенции по Каспию в Турцию будут поступать нефть и газ этого региона [Интернет]. 2018 [протитировано 18 ноября 2019 г.]. Доступно по: <https://inosmi.ru/politic/20180815/243000489.html>.
15. Азербайджан с Туркменией не поделили Кяпаз (Сердар) на Каспийском море [Интернет]. 2012 [протитировано 18 ноября 2019 г.]. Доступно по: <https://neftegaz.ru/news/view/103196-Azerbaydzhan-s-Turkmeniey-ne-podelili-Kyapaz-Serdar-na-Kaspiyskom-more>.
16. Арамедова А. Туркменистан – Турецкая Республика дорогой долгосрочного партнерства [Интернет]. 2013 [протитировано 18 ноября 2019 г.]. Доступно по: <http://turkmenistan.gov.tm/?id=4134>.

References

1. Kuchinskaya ME. [Where are the former «euronature»? (Example of Sweden and Finland)]. *Problema Natsional'noi strategii*. 2012;615:109–127. Russian.
2. Skripuchij DV. [Turkmen neutrality: domestic and geopolitical construction project]. *Aktual'nye voprosy istorii i politologii*. 2013;25:60–72. Russian.
3. Troitsky EV. Turkmenistan's Foreign Policy in 1992–2006: from neutrality to self-isolation. *Tomsk State University Journal of History*. 2014;4:67–70. Russian.
4. Troitsky EV. [Turkey's policy in Central Asia (1992–2000)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2009;328:84–88. Russian.
5. Tulpakov MV. Changing the geopolitical role of Turkmenistan at the beginning of the 21st century. *RSUH/RGGU Bulletin. Series: International Relations. Area Studies*. 2014;18:227–235. Russian.
6. Petersen A. *Russia, China and energy geopolitics in Central Asia*. London: Centre for European Reform; 2011. 64 p. Russian edition: Petersen A. *Rossiia, Kitai i energeticheskaya geopolitika v Tsentral'noi Azii*. Moscow: Carnegie Endowment for International Peace; 2012. 90 p.
7. Davis JK. *Central Asia in U. S. strategy and operational planning: where do we go from here?* Washington: The Institute for Foreign Policy Analysis; 2004. 100 p.
8. Pirozhnik II. *Problemy politicheskoi geografii* [Problems of political geography]. Minsk: Belarusian State University; 2005. 234 p. Russian.
9. Khizhuk AV. Neutrality of Turkmenistan is the basis of interaction between higher Education institutions of Turkmenistan and Russia. In: *Technological University. Future trends, organizational forms and effectiveness of cooperation development between Russian and foreign universities. Proceedings of the 3rd International scientific conference; 2015 April 6–7; Naukograd Korolev Moscow Region*. Korolev: Alkor Publishers; 2015. p. 379–384. Russian.
10. Parubochaya EF. The summits of the Turkic states (1992–2001): the real platform for closer relations? *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*. 2011;16(1):113–120. Russian. DOI: 10.15688/jvolsu4.2011.1.16.
11. Mirzekhanov VS, Tyulpakov MV. Turkmenistan and the Islamic world. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 9. Vostokovedenie i afrikanistika*. 2019;3:72–91. DOI: 10.31249/rva/2019.03.02. Russian.
12. Starchak M. [USA vs Russia in an attempt to cooperate with Turkmenistan in the field of security and defense]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*. 2009;2:95–102. Russian.
13. Abdrakhmanov A. [Turkmenistan: changes in the structure of state power and policy]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*. 2007;3:154–165. Russian.
14. Shimshek G. After the Convention on the Caspian sea, Turkey will receive oil and gas from this region [Internet]. 2018 [cited 2019 November 18]. Available from: <https://inosmi.ru/politic/20180815/243000489.html>. Russian.
15. Azerbaijan and Turkmenistan did not share the Kyapaz (Serdar) on the Caspian sea [Internet]. 2012 [cited 2019 November 18]. Available from: <https://neftegaz.ru/news/view/103196-Azerbaydzhan-s-Turkmeniey-ne-podelili-Kyapaz-Serdar-na-Kaspiyskom-more>. Russian.
16. Aramedova A. Turkmenistan – Turkish Republic road of long-term partnership [Internet]. 2013 [cited 2019 November 18]. Available from: <http://turkmenistan.gov.tm/?id=4134>. Russian.

Статья поступила в редакцию 22.12.2019.
Received by editorial board 22.12.2019.